

Не любо — не слушай. Русская народная сказка

1.

Жили два брата умных, а третий дурак. Вот однажды поехали они на чашу, и захотелось им там пообедать; насыпали они круп в горшок, налили воды холодной (так командовал дурак), а огня не знали где добыть. Неподалеку от них был пчельник. Вот большой брат и говорит: «Пойти мне за огнем на пчельник». Приходит и говорит старику: «Дедушка, дай мне огоньку». А дед говорит: «Сыграй прежде песенку мне». — «Да я, дедушка, не умею». — «Ну, попляши». — «Я, дедушка, не горазд». — «А, не горазд, так нет тебе и огня!» К тому ж за провинку взял вынул у него из спины ремень. И приходит этот большой брат без огня к своим братьям. Тут средний брат закроптался на него, говоря: «Экой ты, брат! Не принес нам огню! Да-ка я пойду», — и пошел. Пришел на пчельник и кричит: «Дедушка, пожалуй мне огоньку!» — «Ну-ка, свет, сыграй мне песенку!» — «Я не умею». — «Ну, сказку скажи». — «Да я, дедушка, ничего не умею». Старик взял и у этого брата вырезал из спины ремень. Приходит и этот без огню к своим братьям. Вот умные братья и поглядывают друг на друга.

Дурак все смотрел на них и проговорил: «Эх вы, умные братцы, не взяли вы огню!» — и пошел сам за огнем. Приходит и говорит: «Дедушка, нет ли у тебя огоньку?» А дед говорит: «Попляши прежде!» — «Я не умею», — отвечал дурак. «Ну, сказку скажи». — «Вот это так мое дело, — сказал дурак, присаживаясь на лежачий плетень, — да смотри, — продолжает дурак, — садись-ка насупротив меня, слушай, да не перебивай, а если перебьешь, то из спины твоей три ремня». Вот старик сел напротив его — к солнцу лысиной, а лысина была большая. Дурак откашлялся и начал сказку: «Ну, слушай же, дед!» — «Слушаю, свет!» — отвечал старик.

«Была у меня, дедушка, пегонькая лошаденка; я на ней ездил в лес сечь дрова. Вот однажды сидел я на ней верхом, а топор у меня был за поясом; лошадь-то бежит — трюк, трюк, а топор-то ей по спине — стук, стук; вот стучал, стучал, да и отсек ей зад. Ну, слушай, дед!» — говорит дурак, а сам его голицею по лысине щелк! «Слушаю, свет!» — «Вот я на передке этом еще три года ездил, да потом как-то нечаянно в лугах увидел задок моей

лощади; ходит он и траву щиплет. Я взял поймал его и пришел к передку, пришел, да еще три года ездил. Слушай, дед!» А сам опять голицею его по лысине щелк! «Слушаю, свет!» — «Ездил-ездил, приехал я в лес и увидел тут высокий дуб; начал по нем лезть и залез на небо. Вот увидел я там, что скотина дешева, только комары да мухи дороги, взял и слез на землю, наловил я мух и комарей два куля, взвалил их на спину и вскарабкался опять на небо. Сложил кули и стал раздавать грешным людям: отдаю я муху с комаренком, а беру с них на обмен корову с телятком, — и набрал столько скотины, что и сметы нет. Вот и погнал я скотину, пригнал я к тому месту, где взлезал, — хватился: дуб-то подсекли. Тут я пригорюнился и думал, как мне с неба слезть, и вздумал, наконец, сделать веревку до земли: для этого перерезал я всю скотину, сделал долгий ремень и начал спускаться. Вот спускался-спускался, и не хватило у меня ремней вышиною поболее твоего шалаша, дедушка, а спрыгнуть побоялся. Слушай, дед!» А сам голицею по лысине его щелк! «Слушаю, свет!» — «Вот мужик на мое счастье веет овес: полова-то летит вверх, а я хватаю да веревку мотаю. Вдруг поднялся сильный ветер и начал меня качать туда и сюда, то в Москву, то в Питер; оторвалась у меня веревка из половы, и забросило меня ветром в тину. Весь я ушел в тину, одна голова лишь осталась; вылезть мне хочется, а нельзя. На моей голове свила утка гнездо. Вот повадился бирюк ходить на болото и есть яйца. Я как-нибудь вытянул из тины руку и ухватился за хвост бирюку, как стоял он подле меня, ухватился и закричал громко: тю-лю-лю-лю! Он меня и вытащил из тины. Слушаешь, дед?» А сам голицею его по лбу щелк! «Слушаю, свет!»

Видит, дурак, что дело-то плохо: сказка вся, а дед сдержал свое слово, не перебивал его; чтобы раздражить старика, начал дурак иную побаску: «Мой дедушка на твоём дедушке верхом ездил...» — «Нет, мой на твоём ездил верхом!» — перебил сказку старик. Дурак тому и рад, того и добивался, свалил старика и вырезал у него из спины три ремня; взял огня и пришел к своим братьям. Тут разложили они огонь, постановили горшок с крупами на таган и начали варить кашу. Когда каша сварится, тогда и сказка продлится, а теперь пока вся.

2.

У одного мужика много было гороху насажено. Повадились журавли летать, горох клевать. «Постой, — вздумал мужик, — я вам переломлю ноги!» Купил ведро вина, вылил в корыто, намешал туда меду; корыто поставил на телегу

и поехал в поле. Приехал к своей полосе, выставил корыто с вином да с медом наземь, а сам отошел подальше и лег отдохнуть. Вот прилетели журавли, поклевали гороху, увидали вино и так натюкались, что тут же попадали. Мужик — не промах, сейчас прибежал и давай им веревками ноги вязать. Опутал веревками, прицепил за телегу и поехал домой.

Дорогой-то порастрясло журавлей; протрезвились они, очувствовались; стали крыльями похлопывать, поднялись, полетели и понесли с собою и мужика, и телегу, и лошадь. Высоко! Мужик взял нож, обрезал веревки и упал прямо в болото. Целые сутки в тине сидел, едва оттуда выбрался. Воротился домой — жена родила, надо за попом ехать, ребенка крестить. «Нет, — говорит, — не поеду за попом!» — «Отчего так?» — «Журавлей боюсь! Опять понесут по поднебесью; пожалуй, с телеги сорвусь, до смерти ушибусь!» — «Не бойсь! Мы тебя к телеге канатом прикрутим».

Вот хорошо, положили его в телегу, обвязали канатом, лошадь поворотили на дорогу; стегнули раз, другой — она и поплелась рысцою. За деревней-то был колодец, а лошадь-то была не поена; вздумалось ей напиться, свернула с дороги в сторону и прямо к колодцу; а колодец был без сруба, а упряжь-то без шлеи, и узда без повода, а хомут большой, просторный; лошадь наклонилась к воде, а хомут через голову и съехал долой. Вот лошадь напилась и пошла назад, а мужик с телегою остался у колодца. На ту пору выгнали охотники из лесу медведя; медведь бросился со всех ног, набежал на телегу, хотел перескочить, прыгнул — да прямо в хомут и попал! Видит, что беда на носу, и пошел валять что есть силы с телегою. «Батюшки, помогите!» — кричит мужик.

От того крику медведь еще пуще напугался; пошел таскать по кочкам, по яругам, по болотам. Прибежал на пчельник, полез на дерево и телегу за собой потащил — захотелось, видно, медку попробовать. Взлез на самую верхушку, а телега вниз тянет: бедный медведь и сам не рад, ни взад, ни вперед! Немного спустя времени пришел хозяин, увидал медведя. «Ага, — говорит, — попался! Вишь ты какой бездельник, Мишка: не просто за медом пришел, на телеге приехал!» Схватил топор и ну рубить дерево под самый корень. Дерево повалилось наземь, разбило телегу и задавило совсем мужика; а медведь выскочил из хомута да бежать: только унеси бог ноги! Вот каковы журавли!

3.

Пустил мужик петуха в подвал; петух там нашел горошинку и стал кур скликать. Мужик услышал про находку, вынул петуха, а горошинку полил водою. Вот она и начала расти; росла-росла — выросла дó полу. Мужик пол прорубил, горошинка опять начала расти; росла-росла — доросла до потолка. Мужик потолок прорубил, горошинка опять росла-росла — доросла до крыши. Мужик и крышу разобрал, стала горошинка еще выше расти; росла-росла — доросла до небушка. Вот мужик и говорит жене: «Жена, а жена! Полезу я на небушко, посмотрю, что там деется? Кажись, там и сахару и меду — всего вдоволь!» — «Полезай, коли хочешь».

Мужик и полез на небушко, лез-лез, насилу влез. Входит в хоромы: везде такое загляденье, что он чуть было глаз не проглядел! Среди хором стоит печка, в печке и гусятины, и поросятины, и пирогов — видимо-невидимо! Одно слово сказать — чего только душа хочет, все есть! Сторожит ту печку коза о семи глазах. Мужик догадался, что надобно делать, и стал про себя приговаривать: «Засни, глазок, засни, глазок!»

Один глаз у козы заснул. Мужик стал приговаривать погромче: «Засни, другой, засни, другой!» И другой глаз заснул. Таким побытом все шесть глаз у козы заснули; а седьмого глаза, который был у козы на спине, мужик не заметил и не заговорил. Недолго он думал, полез в печку, напился-наелся, насахарился; вылез оттуда и лег на лавочку отдохнуть. Пришел хозяин, а коза про все ему и рассказала: вишь, она все-то видела седьмым глазком. Хозяин осердился, кликнул своих слуг, и прогнали мужика в зашеи.

Побрел он к тому самому месту, где была горошинка: глянул — нет горошинки. Что будешь делать? Начал собирать паутину, что летает летом по воздуху; собрал паутину и свил веревочку; зацепил эту веревочку за край неба и стал спускаться. Спускался-спускался, хватить — веревочка вся, а до земли еще далеко-далеко; он перекрестился — и бух! Летел-летел и упал в болото. Долго ли, коротко ли сидел он в болоте (а сидел он в болоте по самую шею), только вздумалось утке на его голове гнездо свить; свила гнездо и положила яйца. Мужик ухитрился, подкараулил утку и поймал ее за хвост. Утка билась, билась и вытащила-таки мужика из болота. Он взял и утку и яйца, принес домой и рассказал про все жене.

Не то чудо из чудес,
Что мужик упал с небес;
А то чудо из чудес,
Как он туда залез!

4.

У одного старика было три сына: старший — говорлив, средний — говорлив, а малый — как черт, все молчит. Пошли эти детки лесовать, а огниво дома позабыли. Ходили день до вечера, привелось ужинать, а огня нету. Большой брат был смысловатее: взлез на лесину, увидел — вдалеке огонек горит, и пошел в ту сторону. Приходит к старику: «Здравствуй, добрый человек! Дай огня». — «Нет, брат, скажи небыль, тогда и огня дам; а скажешь быль — из спины ремень выкрою».

Стал ему мужик сказывать; что ни скажет, все быль да быль; повалил его старик наземь, выкроил из спины ремень и отпустил к братьям. Пошел средний добывать огня, дошел до старика: «Здравствуй, добрый человек! Дай огня». — «А скажи, брат, небыль, тогда и огня дам; а скажешь быль — из спины ремень выкрою». И этот мужик что ни скажет, все быль да быль; старик выкроил из его спины ремень и отпустил к братьям. Воротился средний брат и говорит младшему: «Поди ты, брат, тебя звали».

Пошел младший: «Здравствуй, добрый человек! Дай огня». — «Скажи небыль, тогда и огня дам; а коли быль скажешь — из спины ремень выкрою». — «Ладно, старый старичище, только чур: не перебивать, а перебьешь — из твоей спины три ремня вырезать».

И стал сказывать: «Было нас у отца у матери тридцать девять братьев, да была у нас кобыла о тридцати восьми пежинах. Мы на той кобыле ездили, гуляли по чистому полю; всякий на свою пежину садится, а мне, грешному, нет пежинки. Выехали раз братья в чистое поле погулять, а я за ними; ездили день, наехали на пень; кобыла лягнула да хвостом махнула, увидел я на хвосте у ней пежинку, привскочил да и сел. Поехали мы не знаю куда, приехали на базар, спрашиваем: «Люди добрые! Что дешево и что тут дорого?» — «Дешевы за морем коровы, дороги мухи; за муху с мушонком дают корову с теленком, за крупных оводов — больших быков». Наловили мы тут мух целых три куля, приехали к морю синему. Как нам переправиться? Сине море широко и глубоко. Братья плакать-горевать, а я не тужу да песни пою; сел на куль, переплыл море и наменял коров да быков три табуна. Взяло меня раздумье: как назад ворочаться? Если корабли наймовать — дорого возьмут; если стадо плавком пускать — половина потонет. Вот я схватил одну корову за хвост, махал-махал, да как пушу — так на другой берег и ткнулась, раз-другой на лету перевернулась. Перемахал я все три табуна; оставался один бык-бурище. Взял и его за

хвост, обвил кругом руки крепко-накрепко, собрался с силою, развернулся да как махну — так вместе с быком и перелетел за море.

Тут услышал я, что на небе люди босиком ходят, и задумал там побывать, сапогами промышлять. Товар-то у меня некупленный: перебил коров да быков, захватил с собой кожи и полез на небо. Туда-то не хитро влезть; как назад воротиться? В те поры я догадлив был: оставалось у меня с десятков кож; я те кожи на ремни порезал, ремни зацепил за сваю, сваю вколотил в облако и пошел спускаться. Еще далеко-далеко до земли, а ремней не достало. Только я не тужу, по сторонам гляжу; поп овес веет, полова вверх летит. Я скорей полову ловить да веревку вить; вил-вил, мертвую крысу завил. Ни с того ни с сего крыса ожила, принялась за веревку, грызла-грызла, совсем перегрызла. Я упал да в тине застрял. Прибежала супоросая лиса, на моей голове гнездо свила, семерых лисенят принесла. Шел мимо серый волк, лисенят уволок: «За лисою приду, все гнездо разорю!»

Я тем временем вытащил из болота руки, и только пришел серый волк гнездо разорять — я хватя его за хвост. Тю-тю-тю! Волк бежать: раз рванул — меня вытянул, в другой рванул, — хвост оборвал. Я взял хвост распорол, там ящик нашел, в ящике — грамотка, а в грамотке написано, что твой отец моему отцу будет век платить кабалы, напраслины...» — «Что ты, дурак! Когда это было?» — перебил старик. «Эх, старый черт, не вытерпел; подавай из спины три ремня», — сказал мужик; выкроил три ремня, взял огонь и воротился к братьям.

5.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик; у него три сына: два умных, третий дурак. Послал их отец землю пахать. Вот они пахали, пахали — до самого вечера, пришлось ночевать в поле; надо на ужин кашу варить, да за огнем куда идтить? Старший брат взлез на дерево, туда-сюда поглазел и увидел: в одной стороне как будто огонь горит; слез наземь и пошел огня добывать.

Идет себе да идет — стоит на пути избушка на курьих ножках, на собачьих пятках, а в избушке сидит седой старик. «Здорово, дедушка!» — «Здорово, соседушка!» — «Дай огоньку». — «Скажи сказочку». — «Не умею». — «Скажи присказку». — «Не смею». — «Коли так, отвечай спиной!» Выдрал у него из спины ремень, посыпал то место золой и пустил без огня домой.

Воротился парень к братьям и рассказывает, что не мог найти. «Экой ты гусь! Разве мне пойти», — говорит средний брат. Пошел, и с ним случилось то же самое. «Ну, дурак, ступай теперь ты». Поплелся дурак — стоит избушка на курьих ножках, на собачьих пятках, а в избушке — седой старик. «Здорово, дедушка!» — «Здорово, соседка!» — «Дай огоньку». — «Скажи сказочку». — «Сказал бы, да ты поперечить будешь». — «Нет, не буду; я люблю, коли мне сказки рассказывают». — «Ну так сделаем уговор; кто поперечить станет — у того из спины ремень». — «Ладно!» Вот и начал дурак:

«Было нас, дедушка, три брата, поехали мы траву косить, приезжаем — хватить: нет ни одной косы, дома забыли! Что делать, чем косить? Только мы догадливы были, давай косить дугами; махали-махали, три стога наметали. Стали домой ворочаться: едем мимо лесу и слышим крик-гам великий. Что такое? Медведь со шмелем дерется. Шмель кричит: «Мне пособи!» Медведь кричит: «Мне пособи!» Как тут быть, кому пособить? Если шмелю, так он вырвется да улетит. Пособили медведю; убили шмеля и надавили вошин семь лощин, а меду с сенную копну набрали. Из тех вошин я слепил себе кобылку да три года на ней ездил. Раз как-то поехал я на зеленя; еду, ничего не ведаю, глядь назад — половины лошади нет: на передке сижусь, а задок по зеленым бежит. Я ловил его, ловил, насилу поймал; взял да лычком обе половины сшил да еще три года ездил.

В некое время случилось мне ехать возле озера: на том озере утка гнездо свила. Я сейчас вырубил три полена: одно — липовое, другое — лутоховое, а третье — с чего лыки дерут; одним бросил — недошвырнул, другим бросил — перешвырнул, а третьим как раз в утку угодила; утка полетела, а я, дедушка, гнездо потащил, полную лодку яиц навалил: в целый год не съесть! Захотелось мне напиться; влез я в озеро по самую глотку, а почерпнуть воды нечем; вот я снял с головы череп да тем и напился. Оглянулся назад: лошадь моя далеко ушла; побежал за нею, да череп и позабыл. Пока изловил я лошадь, тем временем череп уплыл; прилетела утка, нанесла в нем яичек и вывела деток. Захватил я все гнездо; череп на себя надел, а птиц зажарил да поел.

Еду после того по лесу; мужик на дубу горох молотит: гороховина наземь валится, а горох по сучкам садится. Полез я, дедушка, горох собирать, сижусь на дереве, собираю, ничего не знаю. А дуб рос-рос, до небес дорос. Взлез я на небеса посмотреть-посудить, что там делается. Только у нашего попа завистные глаза: взял он этот дуб срубил, к себе на двор стащил. Как быть?

Спасибо, там коровы дешевы: телушка по мушке, за быка слепня дают. Вот я целый кошель мух наловил да телушек накупил; стал их резать, кожи драть, ремни вязать. Зацепил ремень за край неба и давай вниз спускаться; спускался-спускался: гляжу — ремень-то весь, а до земли далеко: коли прыгнуть — убьешься! На мое счастье мужик овес веял: я все мякину ловил да веревку вил. Только та веревка оборвалась; я упал, чуть не убился, на тот свет провалился; видел там всех покойников: как мой-то батюшка на твоём дедушке воду возит...» — «Что ты, дурак! Будто и правда?» — перебил старик. Дурак тотчас его повалил, вырезал из спины ремень, взял огонь и воротился к братьям: «Вот вам огонь, варите-ка кашу!»

6.

Жил я с дедушкой, а батяка мой тогда еще не родился: по тому самому, как начался свет, — было мне семь лет. Жили мы куда богато! Был у нас большой дом из одного кирпичика; глазом не окинешь, а взглянуть не на что; светом обгорожен, небом покрыт. Лошадей было много: шесть кошек езжалых, двенадцать котов стоялых; один жеребец бойкий — кот сибирский был на цепь прикован возле печки к столбу. Земли у нас с дедом было видимо-невидимо: пол да лавки сами засевали, а печь да полати внаймы отдавали. Родилось хлеба много; стали убирать — девать некуда. Дед был умен, а я догадлив; склали скирду на печном столбу; велика скирда — глазом не окинешь, хоть взглянуть не на что! И завелись в ней мыши, стали хлеб точить; жеребец наш бойкий — кот сибирский прыг на столб — мышей не изловил, скирду в лохань уронил. Дед голосом завыл, а я заголосил: «Чем теперь кормиться-то будем?» Только дед был умен, а я догадлив; вытащили хлеб из лохани, пересушили и обмолотили.

Время было к празднику, стали мы солод готовить да пиво варить; как в ложке затерли, в корце развели — вышло пива с целую бочку. Что гостей-то к нам привалило — и в дом и на двор, по улице пройтись нельзя от народу! Дед выставил бочку с пивом, принес большущий ковш и давай всех поить-угощать. Стали к нему гости подходить; а дед был очень прост — всякому по полному ковшу: как кому поднесет, да за волосы потрясет, да четвертным поленом по затылку оплетет, так и с ног долой! Сколько тут пьяных набралось — по двору, по улице как шмели ползают! Перепоили мы с дедом всю деревню, да так перепоили — который и проспится, так опохмелиться не хочет; а пива все-таки осталось немало — целую неделю мы с дедом пили, насилу выпили.

После того смотрю я — дров в дому ни полена, а топить надобно. Была у нас лошадь серая: упряжь чудесная, да запрячь не во что. «Ступай, — говорит мне дедушка, — запрягай лошадь, поезжай в лес за дровами». Я надел кафтанишко худенький, заткнул топор за пояс, сел верхом и поехал в путь. Еду рысью скорою, а топор тят да ляп, и перерубил мою лошадь пополам. Оглянулся назад — ан на одном передке еду: задок далеко отстал. Я кликать, я звать — прибежал задок. Что долго думать, составил обе половинки, смазал глиною, дал шпоры под бока — и откуда прыть взялась! Приехал в лес, нарубил дров, наклак большущий воз и привязал веревкою за хвост. Как крикну — лошадь сгорячахватила, по уши в грязь угодила. Я за дедом; тот был умен, а я догадлив; взялись оба за хвост и ну тянуть; тащили-тащили, да шкуру долой и стащили! Дед голосом завыл, я заголосил. Не на чем было ехать; приходим домой и горюем. Только глядь в окно, а лошадь наша стоит у ворот, сама пришла. Дед засмеялся, я захохотал: лошадь-то дома, а шкура в барышах досталась.

У нас на дворе рос высокий дуб; усмотрел я, что на том дубу много птицы водится, и полез добывать дичинки. Я лезу, а дуб все растет да растет, и упер верхушкою в небо. Пришло мне на мысль: дай пощупаю, крепко ли небо? Только рукой за край взялся, дуб подо мной и свалился; повис было на одной руке, да потом ухитрился и взобрался на небо. День хожу, и два и три хожу; совсем отощал-исхудал: есть-то нечего! С той худобы завелися вши немалые; а я догадлив был, принялся их ловить, шкурки драть да ремешки кроить; свил веревочку, привязал за край неба и начал спускаться. На беду не хватило веревочки. Пришлось бы мне долго висеть промеж неба и земли, да мужик вышел овес веять: несет ветерком ко мне полову, а я-то ловлю да веревку вью. Ни много, ни мало прошло времени, перестал мужик овес веять, а веревки все не хватает. Что тут делать? Была не была, прыгнул наземь и попал в трясины; по самые уши утонул.

Сижу день, и два, и три; волоса ветром разбило. Прилетела утка, свила себе на моей голове гнездышко и снесла яичко. Я хотел было взять яйцо да съесть, уж и руку протянул, да одумался: пусть еще снесет, тогда за один раз наемся. На другой день снесла утка второе яичко; а я себе на уме: подожду еще денек, авось снесет третье. Наутро слышу я — шум шумит: идет волк болотом; подошел к гнезду и поел яйца; поел и хочет назад идти, а я тем временем намотал хвост его на руку и крикнул во все свое горло. Волк с испугу бросился в сторону и вытащил меня из трясины. Воротился я домой; дед засмеялся, я захохотал; тут и батя мой родился.

7.

Как у нас на селе заспорил Лука с Петром, сомутилася вода с песком, у невестки с золовками был бой большой; на том на бою кашу-горюху поранили, киселя-горюна во полон полонили, репу с морковью подкопом взяли, капусту под меч приклонили. А я на бой не поспел, на лавочке просидел. В то время жили мы шесть братьев — все Агафоны, батюшка был Тарас, а матушка — не помню, как звалась; да что до названья? Пусть будет Маланья. Я-то родом был меньшей, да разумом большой. Вот поехали люди землю пахать, а мы шесть братьев руками махать. Люди-то думают: мы пашем да на лошадей руками машем, а мы промеж себя управляемся. А батюшка навязал на кнут зерно гречихи, махнул раз-другой и забросил далеко.

Уродилась у нас гречиха предобрая. Люди вышли в поле жать, а мы в бороздах лежать; до обеда пролежали, после обеда проспали, и наставили много хлеба: скирда от скирды, как от Казани до Москвы. Стали молотить — вышла целая горсть гречихи. На другой год батюшка спрашивает: «Сынки мои возлюбленные, где нам нынче гречиху сеять?» Я — брат меньшей, да разумом большой, говорю батюшке: «Посеем на печке, потому что земля та порожняя; все равно круглый год гуляет!» Посеяли на печке, а изба у нас была большая: на первом венце порог, на другом потолок, окна и двери буравом наверхены. Хоть сидеть в избе нельзя, да глядеть гожа.

Батюшка был тогда больно заботлив, рано утром вставал — чуть заря занимается, и все на улицу глазел. Мороз-то и заберись к нам в окно да на печку; вся гречиха позябла. Вот шесть братьев стали горевать, как гречиху с печи собирать? А я — родом хоть меньшей, да разумом большой. «Надобно, — говорю, — гречиху скосить, в омет свозить». — «Где же нам омет метать?» — «Как где? На печном столбе: место порожнее». Сметали большой омет.

Была у нас в дому кошка лыса: почуй она, что в гречихе крыса, бросилась ловить и прямо-таки о печной столб лбом пришлась; омет упал да в лохань попал. Шесть братьев горевать, как из лохани омет убирать? На ту пору пришла кобыла сера, омет из лохани съела; стала вон из избы бежать, да в дверях и завязла: таково-то с гречихи у ней брюхо расперло! Задние ноги в избе, а передние на улице. Зачала она скакать, избу по улице таскать; а мы сидим да глядим: что-то будет! Вот как брюхо у кобылы-то опало, я сейчас в гриву ей вцепился, верхом на нее ввалился и поехал в кабак. Выпил винца,

разгулялся добрый молодец; попало мне в глаза у целовальника ружье славное. «Что, — спрашиваю, — заветное аль продажное?» — «Продажное». Ну, хоть полтину и заплатил, да ружье купил.

Поехал в дубовую рощу за дичью; гляжу: сидит тетерев на дубу. Я прицелился, а кремня-то нет! Коли в город за кремнем ехать — будет десять верст; далеко; пожалуй, птица улетит. Думаючи этак сам с собою, задел невзначай полушубком за дубовый сук; кобыла моя рванула с испугу да как треснет меня башкой о дерево — так искры из глаз и посыпались! Одна искра упала на полку, ружье выстрелило и убило тетерева; тетерев вниз упал да на зайца попал; а заяц сгоряча вскочил, да что про меня дичины набил! Тут я обозом в Саратов отправился; торговал-продавал, на пятьсот рублей дичины сбывал. На те деньги я женился, взял себе славную хозяйку: коли вдоль улицы пройдет, всю подолом заметет; малые ребятишки встречают, поленьями кидают. Не надо покупать ни дров, ни лучины; живу себе без кручины.

8.

Уродился я ни мал, ни велик — всего-то с игольное ушко, не то с приворотную надолбу. Пошел я в лес, самое дремучее дерево рубить — крапиву. Раз тяпнул — дерево качается, в другой тяпнул — ничего не слышно, в третий тяпнул — выскочил кусок мне, добру мблодцу, в лобок. Тут я, добрый мблodeц, трои сутки пролежал; никто меня не знал, не видал, только знала-видала меня рогатая скотина — таракан да жужелица. Встал я, добрый мблodeц, отряхнулся, на все четыре стороны оглянулся, побрел по берегу, по берегу все не нашему. Стоит река — вся из молока, берега из киселя. Вот я, добрый мблodeц, киселя наелся, молока нахлебался... Пошел я по берегу, по берегу все не нашему; стоит церковь — из пирогов складена, оладьями повершена, блином накрыта. Вступил я на паперть, вижу двери — калачом двери заперты, кишкою бараньей задернуты. Тут я, добрый мблodeц, догадался, калач переломил да съел, кишку собакам отдал. Вошел я в церковь, в ней все не по-нашему: паникадило-то репяное, свечи морковные, образа пряничные. Выскочил поп толоконный лоб, присел — я его и съел. Пошел я по берегу, по берегу все не нашему: ходит тут бык печеный, в боку нож точеный. Кому надо закусить, изволь резать да кроить.

9.

Я встал поутру, обувался на босу ногу, топор надевал, трои лыжи под пояс подтыкал, дубинкою подпоясался, кушаком подпирался. Шел я не путем, не дорогой; подле лыков горы драл; увидел на утке озеро, топор в ее шиб — недошиб, другим шиб — перешиб, третьим шиб — попало, да мимо; утка-то скулубалась, озеро-то улетело. И пошел я в чисто поле, увидел: под дубом корова бабу доит. Я говорю: «Тетенька, маменька, дай мне-ка полтора молока пресного стáвца». Она меня послала в незнамую деревню, в небывалую избу. Я пошел и пришел: квашня бабу месит. Я говорю: «Тетенька, маменька, дай мне-ка теста». Она выхватила из мутовки квашню: хлысь по зубам. Я бежать. Вышел на улку; тут лайка собачит на меня; мне-ка чем оборониться? Я увидел: на санях дорога, выхватил из оглобель сани, хлысь лайке по зубам и пошел домой да с горя спать повалился.

10.

Бывали-живали старик да старушка. У старика, у старушки был сын Иван. Жили они ни много, ни мало; старик помер, а сын вырос. Старуха напряла два мотка. В то самое времечко занадобилось Ивану ехать на ярмарку; стал проситься у матери: «Я поеду, мати, на ярмарку; стану торговать, из карманов воровать; наторгую много денег и буду богат!» — «Что ты, дитятко! — говорит ему мать. — Этак ведь неладно». — «Небось, ладно будет!» Взял он у старухи мотки пряжены, приехал на ярмарку и начал торговать; продал на десять рублей да украл девяносто — стало всех денег сто рублей. Накупил себе пряников да меду, сел на воз и поехал домой. Едет — не едет, всё пряники в мед макает да в рот пихает. Попался ему на дороге барин: скачет на лихой четверне. Увидал барин Ивана, остановился и говорит ему: «Что ты, мужичок, больно роскошно кушаешь? Кажись бы, пряники можно и так есть; а ты еще в мед макаешь!» — «Как же мне роскошно не есть! — отвечает Иван барину. — Ездил я в торг торговать, выторговал десять да украл девяносто рублей; а с тебя хоть бы двести взять». — «А ну, ухитрись!» — «Давай-ка, барин, уговор положим: коли ты мне молвишь: «врешь!» — с тебя двести рублей; а коли удержишься — делай со мной, что сам знаешь». — «Ладно!» — говорит барин.

Вот ударили они по рукам, и начал Иван сказку сказывать: «Был я у отца с матерью малешенок; пошел я как-то в лес; увидел в лесу дерево, а в дереве дупло, а в дупле-то жареные перепелята гнездо свили. Сунул я в дупло руку — не лезет, сунул ногу — не лезет; я согнулся да прыг — и вскочил туда

весь. Наелся-накушался, захотел вылезть; не тут-то было! Больно толст от еды сделался, а дыра мала. Я, добрый мóлодец, догадался, сбегал домой за топором, прорубил дыру и вылез. Вздумалось тогда мне напиться; пришел я к морю, снял череп, зачерпнул воды и напился. Все бы ладно, да уронил череп в воду. Глядь — а он серед моря плавает, утки-гуси в нем гнезда поделали да яиц нанесли. Что делать? Раз топором кинул — недокинул, в другой кинул — перекинул, а в третий совсем не попал. Вот так-то я всех гусей-уток побил; яйца сами улетели. Опосля́ того зашел я по конец моря, взял да зажег; как все море выгорело — я достал свой череп и пошел по белу свету разгуливать».

«Бай, бай, мужичок! — говорит барин. — Все это правда истинная!» — «Поехал я в лес за дровами. Пока там-сям бродил да дрова рубил, серые волки набежали, у моей лошаденки брюхо прорвали. Только я догадлив был: вырубил березовый прут да бегом к лошади; кишки все собрал, в брюхо поклат и зашил березовым прутом. Наложил целый воз дров и стал в путь собираться, трогаю лошадь, она ни с места! Что за диво? Смотрю, а березовый-то прут вырос высоко-высоко, так за облако и задевает верхушкою. Вот я полез на небо; все там выглядел, все там высмотрел. Пора и назад спускаться; на мою беду лошаденка с места дернула и свалила вербу. Как быть, чем горю пособить? Набрал я пыли-копоты, свил канат, привязал его за облако и давай спускаться вниз. Спускался-спускался, пока канату не достало. Что же я вздумал: сверху-то отрежу, да на низ наставлю; отрежу да наставлю, отрежу да наставлю, а сам все вниз спускаюсь. До того дошло, что резать-то нечего, а до земли еще далеко! Вот поднялся сильный ветер; уж меня качало-качало, во все стороны бросало! Канат оборвался, и упал я в самую преисподнюю. Насилу оттуда выбрался! Да, был я, барин, в аду; видел, как на твоём отце навоз возят...» — «Что ты, дурак, врешь!» А Ивану того только и надобно; взял с барина по уговору двести рублей и поехал домой. Мать ему обрадовалась; тотчас назвала гостей, сродников, и подняли они пир великий; на том пиру и я был, мед-вино пил, по усу текло, во рту сухо было. Дали мне колпак, стали в шею толкать; дали мне шлык, а я под ворота шмыг! Сказке конец, а мне меду корец.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.